

ТРЕТИЙ БУРГ – ГОРОД УШЕЙ

Павел Дмитриевич Хрипко родился в селе Яман Илекского района в 1942 году. Окончил часовое училище и литературное отделение историко-филологического факультета Курганского педагогического института. Работал мастером на Угличском часовом заводе «Чайка», на Златоустовском заводе секундомеров, учителем, завучем в родном селе. Руководитель старейшего на Урале народного литературного объединения «Степь». Автор романа-трилогии «Капитанский сын», сборников повестей, рассказов и очерков. Дипломант Южно-Уральской литературной премии, лауреат премии губернатора имени генерал-майора Ф.Н. Старикова, член Союза писателей России. Живёт в Троицке Челябинской области.

1. Форпост России на Янке Горыныче

Позади остались увалистые губерлинские подъёмы да спуски, гибельные для перегруженных саней. Тормозили заточенными дубовыми колыями, но они с трудом пробивали накатанную наледь, выручали только острые железные штыри.

После Красногорского урочища, уже к вечеру, добрались до Нежинского редута. Обоз встретили дозорные — дюжина зевластых, говорливых драгунов в коротких полушубках и катанках. Из-за крепкого заплота выглядело прокопчённое жерло пушки, да громоздилось несколько толстенных, приземистых строений. В центре редута вздымалась четырёхногая, с поднавесом, каланча с длинным шестом, обмотанным на конце просмоленной дерюжкой и пучком берёсты.

Обрадованные донельзя, заскучавшие дозорные мигом помогли нарубить хвороста на берегу

Яика, и вскоре затрепали костры, замаячило дымное покрывало, запахло варевом. Уставшие от долгой, тяготной дороги путники воспряли духом, возрадовались. Как же, последняя ночёвка. До Оренбурга всего-то семнадцать вёрст.

С первым заполохом редутских петухов полк потянулся к губернскому граду. Возбуждённое настроение служивого воинства невольно передалось и обозным лошадям: предчувствуя долгожданный отдых, они трусили скорой рысью, не переходя на шаг. Ровная, как стрела, хорошо накатанная дорога отблёскивала сизым свинцом, предвещая многолюдное поселение. И вскоре на ровной черте окоёма, на возвышении показался тёмно-коричневый крепостной вал и заснеженные стены губернского града.

После пятилетнего отсутствия Андрей снова увидел знакомые окрестности, которые, как прежде, да и теперь показались ему до щемящей боли родными, приветными. Вспомнились неутешные годы тревожной юности, рыболовные страсти на разлившемся, как море, половодном Яике, последнее свидание с отцом перед уходом его на войну, детская влюблённость в старшую сестру Семёна Акутина, Анисью. Десять лет из жизни не выкинешь.

Теперь крепость раздалась вширь, завеличалась, выпросталась в десяток кривых улиц и Казачья слобода. За крепостными стенами, как и ранее, своим внушительным видом выделялся

прямоугольный губернаторский дом высотой в две косых сажени. А просторное здание главного правителя соляных дел, Рычкова, было выше губернаторского дома, пожалуй, ещё на две сажени. Но над всем великолепием ухоженных одноэтажных строений царствовал грандиозный Преображенский собор, как узаконенный представитель православия на стыке Востока и Запада.

Возведённый ещё первым губернатором края, графом Иваном Ивановичем Неплюевым по высочайшему повелению императрицы Елизаветы Петровны, он своим величием покорял все новострои. Его стены толщиной в половину сажени не уступали по своей мощи крепостным и легко могли выдержать любую осаду. Стоящий на самом высоком месте крепости, на вздыбленном берегу Яика, он как бы утверждал незыблемость господства России на юго-восточном рубеже. Особенно захватывала дух его мощная трёхъярусная колокольня, вознёсшая сверкающий золотом крест более чем на двенадцать сажений. Кровля, крытая белым листовым свинцом, кое-где запорошенная снегом, была почти невидима на фоне белёсого неба, и казалось, что над ней высоко парят золочёные купола. Правее, подалее от собора, над коричневым обрезом крепостной стены маячили ещё четыре церковных луковки поменьше.

Крылов залюбовался открывшимся видом и не заметил подъехавшего поручика Юматова:

— Ну что, брат, защемило? Родичей не осталось, а по родимой сторонке сердце ноет, угадал?

— Ну да, — обняв поручика за плечи, смеясь, откликнулся Андрей, — поехал за море телёнком, а воротился бычком.

— Нам с тобой, корешок, где бы ни жить, везде надо служить, — и, помолчав, добавил с грустью, — жизнь наша, как у колодезной бабды: то в воду, то из воды.

— Оно так, Алексей Михалыч. Как говорится, был бы калган, а вошки заведутся. Не паникуй, братуха, гляди, как город-то укрепился, настоящая крепость.

— Дак настоящая и есть. Округ валом опоясана, только со стороны Яика не сомкнута, так там круча местами до пятнадцати сажен, ящерке не забраться. Одних только бастионов десять штук, да два полубастиона, а глянть, какой ров! Почитай, вглубь две сажени. Да вширь — шесть. Угодишь ненароком и не выпцарапаешься. Да ещё вал в каменной одежке — водой не размочет.

— Да, пожалуй, кочевничкам сия крепость не по зубам, — задумался Андрей.

— Что? За семейство своё боишься? — посочувствовал Юматов. — Они, пожалуй, до конца турецкой кампании здесь и будут обитать.

— Вот я и думаю, как прокормиться-то им?

— Ничего, Андрей Прохорыч, комендант, поговаривают, мужик покладистый, с голоду помереть

не даст, да и твоё жалованье удвоится. Война, хоть и не мать родна, а служивого кормит.

Большая часть обоза разместилась в форштадте у крепостных стен. Офицеры, объезжая предместье, подыскивали места для стана, удивлялись кривым улицам, не в ряд поставленным домишкам, поселение было неказистое, но обжитое. Вросшие в землю хатёнки из плетней, толсто обмазанные глиной, с крышами из дёрна, саманные халупки, крытые камышом да соломой, ближе к реке обязательные курные бани. Деревянных строений было мало, предместье, видно, только ещё обживалось, хотя ближе к крепостному валу уже стояло несколько рубленых пятистенков. В центре слободы опрятным утоптаным квадратом вырисовывался казачий плац-парад, по краю внушительное бревенчатое строение — атаманская изба; с покато́й, крытой тёсом крыши свешивалось полотнище триколора, знак власти. Далее, на возвышении, ближе к берегу Яика, крепкая церквушка с высокой колокольней. Она как бы сторони́лась нечистых улиц, унавожённых, запашистых загонов для скота, отгораживаясь стенкой высоченных осокорей.

Ветра не было, но низкое светило тепла не давало. При въезде полкового обоза слобода сразу же наполнилась перекастистым храпом

коней, мёрзлым визгом полозьев, скрипом калиток, говором мужских простуженных голосов, ленивым брёхом собак. Задиристо пахло першистым кизячным дымом, конским навозом и парным молоком.

Разместив обозы с фуражом, провиантом да амуницией, выставив охрану, драгунский полк по четыре конника в ряд подошёл к Орским воротам крепости. Неожиданно, как по команде, за крепостной стеной в раз залилась лаем целая свора собак. Этот многоголосый хор мохнатых солистов, перебрёхивая друг друга, от визгливого частого, до редкого басовитого, как из пустой бочки, доказывал, что и он при деле и исполняет свою нелёгкую сторожевую службину. Отдельным дискантом с комическим подвыванием тявкало нечто залиvistое, тонкоголосое, видимо, прилюдная шавка тоже отработывала свой хлеб.

— Сами кобели, да ещё и собак завели, — не удержался острый на язык казак Пичкиряев.

Не менее задиристые, бедовые стражники, уняв собак, прежде чем растворить ворота, попытались устроить прибывшим шутильвый балаган:

— Долго кошка умывалась, — раздался зычный голос с надвратной башни, — а гостей насилу дождались!

— Ничё, ничё, хороший гость хозяину в почёт, — отвечали драгуны, — мы-от ехали мимо да за вернули до дыму.

— А гостинцев нам наготовили? Оно хоть в городу у нас не голод, да подарочек ноне дорог.

— Дак подарки любят отдарки, — встрял в перепалку неугомонный Пичкиряев.

— А нам хучь маленькую рыбку, она всё же лучше большого таракана, — умоляли со смехом приворотные стражи.

— Так ить таракан не муха, не возмутит брюха, а коли пустите переночевать, так у нас найдётся, чем вас и попотчевать.

— Что гость, то ладно, да не было бы накладно, — засомневались хозяева.

— Да нам много-то и не надо: рюмку вина да полтора блина.

— Оно ить не жалко. Блины баушка скоро печёт, да вот долго, язви её, опару ставит.

— Но гость не кость, за дверь не выкинешь, — наступали прибывшие служивые.

— Ну что ж, дорогие гостенёчки, — уняв собак, смилостивились стражники, — добро пожаловать в наш стольный город Оленбурх!

Наконец, с тягучим скрипом распахнулись тяжёлые створы кованых ворот, и драгуны проследовали в казармы, а семейных до утра поместили в комнаты приезжих офицеров.

2. Два Ивана Андреевича

На другой день комендант крепости объявил общее построение прибывшего драгунского полка для встречи с губернатором. Начавшаяся война с Портой не

давала отсрочки служивым. По данным разведки, одна из турецких армий, накапливаясь в Грузии, грозилась взять Астрахань, опорную русскую крепость в Прикаспии. Оренбургскому драгунскому полку, да и всему Московскому легиону следовало до наступления весенней распутицы переправиться у Самары через Волгу, ещё по льду.

Уже до перезвона церковных колоколов, извещавших об окончании утренней церковной службы, на плацу перед губернаторским домом, неподалёку от Преображенского собора, уже стоял спешенный драгунский полк, построенный в четыре шеренги, прибывший накануне из Троицкой крепости. Позади колонны, близ храма, расположилась пёстрая стайка офицерских семей в длинных шубах и нарядных пуховых платках, купленных у местных мастериц.

Эскадрон поручика Крылова, как лучшее подразделение полка, стоял в центре, напротив высших офицеров гарнизона. Правее Андрея, в парадной форме с эполетами из золотистого и чёрного гаруса стоящего перед своими драгунами, разместился штаб полка во главе с полковником Михайловым. Рядом бравая знамённая группа с ассистентами, обнажённые сабли на сгибе локтя. Впереди рослый капрал с полковым камчатым знаменем

белого цвета с гербом полка: в центре — в золотом щите на голубом поле белый одноглавый орёл, сидящий на оконечности белой горы, рядом ещё девять значков на длинных древках с флажками, по числу эскадронов.

Крылову хорошо была видна изломанная шеренга гарнизонного начальства.

Они о чём-то негромко спорили, слышно было и воркование голубей на крыше собора, и лёгкий шорох, а может быть, дыхание сотен служивых, и даже задорное пение слободских петухов за крепостным валом. Лёгкий морозец слегка покусывал щёки, но ветра не было. Высокие здания, да и крепостная стена поблизости от плаца задерживали колебание ветра, создавая уютное затишье.

И вдруг эту безмятежную ломкую тишину нарушил строгий звук часового колокола на высокой башенке канцелярии, и всё враз смолкло. С последним, десятым ударом широко распахнулись высокие двери губернаторского дома, и показался высокий плечистый военный лет сорока, с крупно рубленным волевым лицом, в шитом золотом мундире с красными отворотами в тон с цветом лица и в парадной треуголке с плюмажем. Придерживая левой рукой шпагу, легко сбежал с высокого крыльца, чётким строевым шагом, слегка прихрамывая на правую ногу, прошёл к замершей шеренге гарнизонных офицеров и, заняв своё место, слегка кивнул головой.

И сразу же, как по волшебству, раздался мощный рокот десятков военных барабанов, в миг заполонивших гуляющим эхом всё пространство. Этот напряжённый тревожный ритм вернул сознание служилого люда из беспечного, мирного бытия в суровое пекло воинской дисциплины, муштры, лишений и возможной гибели. В то же самое мгновение с крыши собора взлетели, напуганные рокочущим гулом, сотни голубей, добавив гвалта и шума от машущих крыльев в мерную барабанную дробь. Как вдруг на фоне этой царящей над площадью какофонии звуков случилось невероятное.

От кучки женщин, стоящих позади драгунского полка, отделился малыш и, часто семеня ножками в белых катанках, протиснулся сквозь плотные шеренги драгун, подбежал к поручику Крылову и встал, как вкопанный, рядом.

Андрей, ощутив левой рукой что-то мягкое, скосил глаза, увидел сына и оторопел от неожиданности, не зная, что и предпринять. По строевому уставу он не имел права без приказа ни выйти из строя, чтобы отвести ребёнка к матери, ни даже что-либо сказать ему и стоял в оцепенении, ожидая неприятностей. Волнение усиливалось ещё и от того, что, как назло, его эскадрон находился на самом виду у высшего начальства. По мысли Крылова, нештатная ситуация, связанная с малышом, ломала все регламенты и порядки воинского строя.

Поручик, стоя на вытыжку, искоса поглядывал на Ваню и лихо-радожно искал выхода из нелепой ситуации. Но сын стоял спокойно, вровень с носками его сапог, и с интересом разглядывал яркие, с позументами, одежды генералов. Андрей представил, как чётко выделяется белый выдубленный полушубочек Ивана, перепоясанный ремнями, да ещё с сабелькой, на фоне тёмно-зелёной формы драгун, и понимал, что и губернатор, и вся свита наверняка заметили нарушение порядка в строю. Но пока всё шло своим чередом. Наконец, стих оглушающий рокот барабанов, и в настороженной тишине прозвучала громкая команда: — Р-рявня-я-йсь! Смир-р-р-на-а-а!

Губернатор выпагнул из шеренги офицеров. Приветливо, по-отцовски, поздоровался с прибывшими драгунами, поблагодарил за верную службу и рассказал о задаче, которая поставлена перед полком в начавшейся войне с Портой. Ваня стоял не шевелясь, как и положено по команде «смирно», изредка, задирая голову, взглядывал на отца и старался понять, о чём так громко рассказывает высокий дядя в красивой шляпе. Но слова были какие-то колкие, и он перевёл своё внимание на красивую блестящую шпагу с кистями, которая болталась у него на поясе. От отца он уже знал, чем отличается она от сабли, и по своему разумению не считал её хорошим оружием: больно уж тонкая, только колет, а не рубит.

Наконец, важный дядя кончил рассказывать, поднёс руку к шляпе, и солдаты вдруг чему-то обрадовались, и все разом стали кричать что-то похожее на «Гав! Гав! Гав!», а потом совсем спятили, стали вопить «Уа-а! Уа-а! Уа-а!»; Ваня глянул на отца, но тот тоже кричал «У-а-а!»

— Взрослые дядьки, а как маленькие дети, — удивился Иван. — Значит, так надо, — подумал он и, широко разинув рот, изо всей мочи стал тоже кричать «У-а-а».

Закончив торжественную часть церемонии, губернатор со свитой пошёл вдоль строя драгун. Дойдя до мальчугана, остановился, с большим интересом оглядел его, хмыкнул и, низко склонившись, громко спросил, растягивая слова:

— Кто тако-ов?

— Иван Андреич Крылов! — звонким голосом отчеканил без запинки мальш, словно ждал этого вопроса.

— О-о-о! — изумился Рейнсдорп, подняв от удивления брови. — Какое совпадение! А я ведь тоже Иван Андреевич! Ну, давай, тёзка, знакомиться, — сняв перчатку, пожал мальчику руку и, выпрямившись, спросил, приветливо улыбаясь:

— Иван Андреич! А кто же это рядом с тобой стоит?

— Да это мой батя, поручик Андрей Крылов! — горделиво прозвенел дискант мальчугана.

— Ага-а! Так вот ты чей сынок, Иван Андреич? — озадачился, хмурия брови, губернатор. — Ну,

как же, наслышаны мы про твоего батюшку, премного наслышаны.

И, пристально глянув на поручика, спросил:

— Это вы командовали отрядом по проводке купеческого каравана из Центральной Азии?

— Так точно, Ваше Превосходительство!

— Ну, что ж, — ещё раз почему-то строго глянул в глаза Андрею генерал, — благодарю за службу, господин поручик!

— Рад стараться, Ваше Превосходительство! — вытянулся в струнку Крылов.

Скользнув ладонью по плечу младшего Крылова, губернатор молвил:

— А мальш у тебя бойкий, поручик. Толк из него будет.

— Благодарю за добрые слова, Ваше Превосходительство! — откликнулся Андрей.

Генеральская свита, заинтересованная особым вниманием губернатора, критически оглядела отца и сына Крыловых, пошущукалась меж собой и прошествовала далее.

3. Приём у губернатора

Но вот церемония встречи с губернатором подошла к концу. Полк с развёрнутыми знамёнами, чётко печатая шаг, с бодрой песней «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поёт...» проследовал мимо высокопоставленных особ и небольшой кучки жителей города, направляясь в казармы, где низших чинов

ждал праздничный обед. А все обер-офицеры вместе с жёнами и детьми были приглашены в покои губернатора на торжественный приём в честь воинов, отправляющихся к месту боевых действий. Когда все приглашённые, следуя за вице-губернатором Милоковым, направились к губернаторскому дому, из дверей канцелярии навстречу им вышел высокий, крепко сбитый человек лет пятидесяти, с тростью, в длинном неказистом полушубке и высокой меховой шапке. Милоков, глянув вперёд, вдруг остановился и, широко раскинув руки, пошёл навстречу господину:

— О, на ловца и зверь бежит, Пётр Иваныч! Дорогой! Каким ветром в наши края?

— О месте справлялся, Василий Яковлич. Да вот невпопад явился. Хочу на службу вернуться. После пожара совсем разорился, никак поправиться не могу. Я уж и дом в городе за бесценок продал, да вот ещё, как назло, ногу повредил.

— Да-а-а, слышаны мы о твоих бедах, господин академик, — вице-губернатор махнул рукой, чтоб все шли в зал, а сам продолжил разговор, — сочувствуем, но Бог милостив.

— К кому как, — возразил академик.

— Скажу по секрету, хорошая весть для тебя. На днях пришла депеша из Питера. Сам генерал Еропкин Пётр Дмитрич! Уловил? Се-на-тор! О твоём благополучии печётся.

— Да не разыгрывайте вы меня, Василь Яковлич, давно знаем ваши шуточки, господин полковник, — горько усмехнулся Пётр Иванович.

— Ей-богу, — перекрестился Милоков и, понизив голос, добавил: — Его Превосходительство генерал Еропкин прочит тебя, Петра Иваныча Рычкова, на своё место, главным управителем соляных дел. Считает, что лучшего кандидата во всей России и не сыскать.

— Ну, Василий Яковлич, вы меня и ошаршили, — осипшим от волнения голосом протянул Рычков, — ажник голову обнесло. Поеду домой в имение, супругу обрадую.

— Да куда ж ты на ночь глядя? — возразил полковник. — Никуда я тебя не отпущу. Идём с нами за стол. Я как вице-губернатор тебя приглашаю лично.

— Но незванный гость хуже...

— Ты уже не гость, — построжал полковник, — со дня на день придёт рапорт о твоём назначении, да и с новым губернатором заодно познакомлю.

После недолгой аудиенции, на которой «отцы губернии» отметились дежурными речами, гостей развели в разные залы. Женщин с детьми, как поняла Мария Алексеевна, потчевала губернаторша, худощавая, нервная то ли немка, то ли датчанка, длиннолицая, с пышными светло-рыжими локонами, похожими на парик. Она то и дело переходила с плохого русского на хороший немецкий, заметно волновалась, с трудом

понимая окружающих офицеровских жён. Мария тоже не разби­рала её сбивчивую речь, зато дру­гая, миловидная, пышногрудая дама с кренделем косы на голове покорила всех. Она обходительно вела беседу, никого не унижая и не возвышая, будто каждому была рада. Попросила предста­виться всех женщин, выслушала всех, даже Ваню Крылова, кото­рый, оголодав от долгого ожида­ния, поинтересовался, скоро ли подадут пирожки с капустой, до которых был весьма охоч.

— Вот это женщина, — шепта­ли друг другу восхищённые го­сти, — а ведь вице-губернаторша.

Мужскую компанию возглав­лял сам генерал Рейнсдорп. Его начальственный, слегка надтрес­нутый баритон, усиленный вы­сокими полупустыми книжными шкафами за спиной, затоплял все звуки и шорохи гулко­го зала, не­вольно заставляя вслушиваться.

Говорил он короткими ру­блеными фразами на довольно чистом русском языке, приправ­ленном прибалтийским акцентом, задерживаясь на твёрдом «т». Когда генерал представил всю губернаторскую верхушку, Ан­дрей с удовлетворением узнал, что бойкий, велеречивый полков­ник с животиком, выпирающим из мундира, не только второй человек в губернии, но и умелый артиллерист. Были представле­ны и прокурор Ушаков, и атаман Оренбургского казачьего войска Могутов, и другое высшее гарни­зонное начальство. Демонстрируя

свою безупречную память, Иван Андреевич называл каждого по имени-отчеству и вдруг споткнул­ся, увидев незнакомое лицо. Ми­люков, привстав, доложил, что здесь присутствует знаменитый учёный, член-корреспондент Рос­сийской Академии наук, историк и географ Пётр Иванович Рыч­ков. Губернатор, нахмутив брови, выслушал своего заместителя, не известившего его о новоприбыв­шем госте, но, пожевав губами, ничего не добавил. Следом коман­дир драгунского полка Михайлов представил своих штаб-офицеров и командиров эскадронов. Когда он назвал поручика Крылова, вся чиновная свита заулыбалась, а Рейнсдорп заметил:

— Бойкий сын у него растёт, добрый офицер выйдет, — и, ши­роко улыбаясь, добавил: — Мой полный тёзка.

Когда представления закончи­лись, скрипнув креслом, поднял­ся губернатор; подождав, пока установится тишина, молвил:

— Наши гости отбывают на Кавказ, там идёт большая война. Я тоже просил Её Императорское Величество направить меня в дей­ствующую армию. Я есть боевой офицер, участвовал в компании против прусской армии Фридри­ха. Не хвастая, скажу, что каждая победа нашей армии, — криво усмехнулся генерал, — отметила и меня серьёзными царапинами. При Гросс-Егерсдорфе был ранен в правую руку, при Цорндорфе — в бедро, при Франкфурте — двумя пулями в бок, к счастью, навывлет.

Бог и умелые русские лекари спасли мне жизнь, и я снова готов к сражениям, но Екатерина Алексеевна направила к вам, мол, генералов на войне и так много.

Вертя вилку в руке, оглядев всех присутствующих, он, словно решившись, сказал и то, что его тревожило.

— Я здесь всего пятый месяц. Мало где побывал, но хорошо узнал, чего не хватает городу и всей губернии. Край наш весьма изобилен для обогащения и жителей, и государства, но имеет крайнюю нехватку людей, нет богатых купцов, нет денежной циркуляции. Оттого недостаток хлеба, дров, фуража. Леса безжалостно вырубаются, и к умножению их ни у кого нет заботы.

Бросив строгий взгляд на примолкших чиновников, повысил голос:

— Сам город в жалких обстоятельствах. Партикулярные дома и публичные строения близки к разрушениям. Казармы не отремонтированы. Солдаты четырёх полков на постое у жителей, что непозволительно. Хороших лекарей нет. Перекупщики хлеба, леса, как пиявцы ненасытные, задирают бешеные цены. Медные рудники еле теплятся, а соль? — сделав долгую паузу, словно заставляя вдуматься, продолжил: — Есть ли на свете такая золотая мера, которая была бы столь прибыльна?

Помолчав, как бы про себя добавил: — В конце года вырвусь в столицу, пробьюсь к императрице

и постараюсь выколотить всё, что надо для процветания нашего богатейшего края.

И совсем тихо добавил: — Меня только удивляет, чем занимались здесь губернаторы после графа Неплюева?

Закончив свою пылкую речь, губернатор поднял бокал и предложил выпить за доблесть русского воинства, за победу в турецкой войне и закусить, как говорится по-русски, чем Бог послал. Враз зазвенели бокалы, прозвучали здравицы, чиновники старались почокаться с отбывающими драгунскими офицерами, как бы виноватясь, что не им досталась тяжкая военная доля. На этот раз Бог был, по-немецки или по-датски, несколько скуповат. Горячее подавали только женщинам и детям, зато вина у мужчин было вволю. Закончив трапезу, губернатор, сославшись на неотложные дела, поспешно удалился. Поднялись и прибывшие гости, полковник Михайлов и многие офицеры направились к выходу.

4. Соратник адмирала Неплюева

К замешкавшейся тройке: Намумову, Крылову и Юматову — подошёл уже известный им господин Рычков. Обращаясь ко всем сразу, налегая на «о», спросил:

— Насколько я правильно понял, вы прибыли из Троицкой крепости? — услышав утвердительный ответ, добавил: — Я долгое время, ещё при Иване Ивановиче Неплюеве,

когда работал в канцелярии, занимался вашей фортецией. Вся планировка, чертежи, документация прошли и через мои руки. Мы с Иваном Ивановичем всё это и разрабатывали. Мне б хотелось побеседовать с вами, узнать, каково теперешнее состояние крепости, да и другие вопросы. Если вас не затруднит, господа офицеры, прошу пройти в канцелярию, там меня ещё помнят, да я кое-что и привёз из имения. Посидим за чайком да поговорим ладком.

— Пётр Иванович! — забеспокоился Крылов. — У меня там жена, сын, я, пожалуй, не смогу...

— О, дорогой поручик, так берите и супругу, и доблестного сына своего Ивана Андреича, а мы вас подождём. Я детишек обожаю, у меня своих куча, да скольких ещё схоронил, — добавил он с грустью.

Дождавшись Крыловых, прошли в канцелярию.

— У меня здесь свой закуток от прежней службы остался, — рассказывал на ходу Рычков, ведя офицеров в самый конец длинного коридора, — простору здесь немного, и всего-то два окна, зато никому не мешаем, и от досужего уха укорот.

Переложив стопу бумаг на полку, усадив гостей за стол, вынул из окованного сундучка пёструю книжку с картинками и протянул младшему Крылову:

— Это тебе, Иван Андреич, на память. Буквицы-то ещё не знаешь?

— Он уже читать пытается, — ответил за сына Андрей.

— Ну, знамо дело, учёный водит, а неучёный следом ходит, — и, глянув в глаза старшего Крылова, молвил, — коли так, поберегите его, далече пойдёт. У меня вот такой же был умница. Не уберёт... — и, смахнув слезу, отвернулся.

Достав из высокого шкапа пузатую бутылъ, глиняные стопки, повеселел:

— Испробуйте, господа, моё изделие. Виноградишко, правда, привозной, своего пока нет. Пытаюсь разводить, да вымерзает. Зимы здесь суровые. Мой батюшка даже в Вологде виноград выращивал, а у меня пока только опыты. Ну, ничё, добьёмся.

После бокала хозяйского вина, одобренного гостями, завязалась дружеская беседа.

— Мне довелось побывать в Троицкой крепости ещё при первом губернаторе, да и после. Мне и фамилии-то ваши знакомы. Я, правда, с шестьдесят первого года в отставку вышел, ну да без меня в канцелярии не обходились, частенько вызывали распутывать кое-какие дела. Так что я и ротмистра Наумова знал заглазно, и о Крылове был наслышан. Это ж вас обвинили в получении двойного жалования? — обратился он к Андрею.

— Ну, так напраслину же гнали, — засмутился поручик.

— Так вот, ваше дело я и распутывал. Доносы на вашу неблагонадёжность сыпались, как из рога изобилия, приходилось доказывать обратное. Мне известно, что и двоих казачат вы из польныи

спасли, да и караван купеческий из беды вызволили. Так ли, Андрей Прохорыч?

— Да всяко было, — смутился Крылов.

— Ишь, какой ты стал знаменитый, — съехидничал Наумов, — вся губерния про тебя знает.

— Да, с такой славой недолго и в Сибирь загреметь, — грустно отозвался Андрей.

— Не извольте беспокоиться, Андрей Прохорыч, — сразу же отозвался Рычков, — этому прохиндею Понятовскому, что доносы на вас строчил, веры нет. Мы его раскусили, губернатор Путятин помог, справедливая душа, царствие ему небесное. Наш русский генерал. До этого шестеро управителей было на Оренбуржье, и все русские, а теперь вот немца прислали, — понизил он голос, — от его штруделей немудрено и ножки протянуть. Подали бы кулебяку, теснее было б в животе. Вот Его Сиятельство Аврам Артемьич — тот потчевал по-русски. Бывало, из-за стола еле выберешься. У меня всё как-то из головы не идёт. Был крепок, здоров, на жеребце гарцевал, всего-то на пару лет старше меня — и в одночасье преставился. И это не первый случай. Что-то здесь нечисто. Я бы пленным конфедератам ни в жисть не доверился, а их в армию берут, да ещё офицерами.

— Так они ж славяне, — с издёвочкой буркнул Юматов.

— Да, вроде бы и братья, — продолжил Рычков, — сплошь

шляхтичи, дворяне, просвещённые, а пытаются на двух стульях сидеть, против нас топырятся, а папе поклоняются. С ними надо ухо остро держать.

— Так недаром же говорят: не верь коню лечёному, волку приручённому да недругу прощёному, — показал свою эрудицию поручик Юматов.

— Вот и нам дорогой конвой с поляками попался, — заметил Наумов, — сотни две пленных поляков следовали в Троицкую крепость на службу.

— А у вас там прохвост Понятовский ещё телепается? — спросил Рычков.

— Так куда ж он денется, — хмыкнул Крылов, — на казённых харчах жирует.

— Ну, вот ему и компания... Кто ж это распорядился? — озадачился Пётр Иванович и сам себе ответил: — Ну, кто же? Новый губернатор... Путятин по всей губернии пленных не рассылал, в кулаке их держал.

Все враз замолчали, думая о возможных последствиях. Мария с Иваном сидели в отдалении, у окна, жевали домашние сдобные кокурки, угощение от Петра Ивановича, и листали подаренную книжку. Мария из разговоров мужчин многое не поняла, но охватившее всех тревожное чувство передалось и ей.

— Ну, чего приуныли, господа офицеры, наливай! — скомандовал Рычков на правах старшего. — Наткнутся и полячишки рылом

на наш кулак. Не переживайте! Шелудивого, чем брить, лучше опалить. Что делается сёдни, думать будем завтра. А план Троицкой крепости до сих пор помню, — сменил тему разговора Рычков, — особо удачно у вас Меновой двор поставлен: и на возвышении, и крепость рядом. Оренбургский-то двор познатнее, да от города далековато, к тому ж Яик постоянно разливом грозитя. А ваш — на взгорочке, на бухарской стороне и довольно просторный. Я одних только торговых лавок с полтыщи насчитал, а теперь, поди, и больше?

— Да, кушцы бухарские и прочие нас изрядно жалуют, — ответил за всех Наумов, — и комендант у нас справный, крепостные стены в порядке содержит и за ретрашаментом следит, служивых загонял.

— Адмирал так и планировал, когда из Тобольска возвращался, Троицкую крепость от прочих познатнее сделать. Уж больно место ему глянулось, двумя речками опоясанное, как на полуострове, а за речкой уже бухарская сторона. Теперь вот и ярмарки ваши почти не уступают оренбургским, точно угадал. Провидец был, он и Оренбургу место нашёл, лучшего не придумаешь.

— Пётр Иваныч, — поинтересовался Крылов, — а как же вы-то в наши края угодили?

— История долгая, — заулыбался Рычков, — ну я вкратце поведаю, раз уж интересуетесь.

5. Из купцов – в академики

— Родом-то я из Вологды, купецкий сын, — окая, начал Пётр Иванович, — отец водил суда с хлебом в Архангельск, ну и решил быстро разбогатеть, взял крупный подряд на несколько судов, да ещё ссуду. Загрузил поташом, смольчугой да клеем, пошёл по Сухоне да в Северную Двину, а там ураган. Судна разметало да затопило. Вместо прибыли — полное разорение. Торговля — дело рисковое. Перебрались в Москву. Друг отца, пленный швед Бонде, помня добро отца (тот помог ему однажды в трудную минуту, от гибели спас), устроил его экономом к герцогу. Батюшка последних денег не пожалел, отдал меня, единственного сына, в учение, все остальные двенадцать детей поумирали. К восьми годам я уже читал, писал, арифметику знал. Потом освоил бухгалтерию, внешнюю коммерцию, на двух языках свободно шпребал, ну и взяли меня на таможду переводчиком да бухгалтером по совместительству. И пошёл бы я по торговой части, да попал на глаза обер-секретарю Кириллову, а затем на Урал, в экспедицию. Работал с Татищевым Василь Никитичем, умнейший человек. Научился от него и географии, и карты на местности снимать, и ещё много чему. А потом пришёл адмирал Неплюев, первый губернатор края, взял меня начальником канцелярии. Вот тут-то и началась у меня настоящая работа.

За шестнадцать годов мы в паре с ним Оренбург заложили и ещё семьдесят крепостей, в том числе и вашу, Троицкую. Поболе сорока железоделательных заводов помогли с ним запустить, торговлю наладили, образование. Он и казаков оренбургских да ящичких обустроил, и возмущение инородцев замирил без большой крови. Недаром же молва о нём — птенец из гнезда Петрова.

— Но вас-то он хоть как-то отметил? — полюбопытствовал Андрей.

— Да, за усердие моё поощрил, выхлопотал мне чин коллежского советника. Так я из купцов перепрыгнул в дворяне; землю мне выделил.

— Ну, а как он относился к вашим научным запискам? — спросил Юматов.

— Он все мои начинания поддерживал, как никто. Я при нём и «Историю Оренбургскую», и «Топографию Оренбургскую» издал, и первым в России в член-корреспонденты Академии наук определился, благодаря заботам Михаила Васильевича Ломоносова, светлой ему памяти. Ну, а потом Иван Иванович, устав от трудов праведных, ушёл в отставку, на смену ему явился Давыдов Афанасий Романыч.

— И что-нибудь изменилось? — спросил дотошный поручик Юматов.

— Ещё как! Меня стали укорять, за что вы думаете? За ведение научных работ. Своим куцым умом посчитали сие делом тщеславным и Отечеству ненужным.

Я с горя занедужил, да и ребятишки стали часто помирать. Особенно жалко Ксенофонта. Умник, каких поискать, уже и по-немецки стал лопотать, три годочка только и пожил.

— Я слышал, что и старшие ваши сыновья неплохо себя зарекомендовали? — обронил Наумов.

— Да, первенец мой, тёзка Крылову, тоже Андрей и даже чем-то схож с ним, уже в полковники выбился, — глянул он приветливо на поручика. — А вот с Николаем беда, повздорил. Умница, учёный, исследователь, в меня пошёл, а женился против моей воли на дворовой девке.

— Так может, там великая любовь, Пётр Иванович? — заступил, улыбаясь, Юматов.

— Да я, может, и простил бы, — виновато улыбнулся Рычков, — так ведь не заезжает к отцу, осерчал, как же, гордый. А мне забот и так полон рот. Страшно сказать: шестнадцать детей народилось. От первой жены, Анисьи Прокофьевны, покойницы — четверо, да от второй, Елены Денисьевны, вот уже двенадцать. После Ксенофонта в отставку подал, в имении своём застрял да с горя пчёлами занялся, дело-то самый каймак, как кайсаки говорят, если с умом, да и прибыльно. Там, на природе, вроде полегчало, хозяйством занялся, заводшишко медеплавильный открыл, мельницу построил да винокурню завёл. Размахнулся широко, и дело пошло. Да опять беда, дворян не доглядела, имение в деревне пожгли,

и подлец приказчик с моими деньгами утёк. Одно к одному. Как говорят: наше счастье — дождь да ненастье, а счастье не конь, на него хомута не наденешь.

— Пётр Иванович, а не приказчик ли ваш пожар и подстроил? — озадачился майор.

— Да теперь, Степан Львович, не докажешь, всё одним местом накрылось.

— А может, надо с дворнёй строже обходиться? — не унимался Наумов.

— Эх, любезный, хозяйство вести — не му... — осёкся, глянув на Марию, — не штанами трясти. Да и доверчив я, на чужую совесть полагаюсь, по-купецки. Оно ведь как раньше было: не до барыша, была бы слава хороша, а ноне другие времена. Ну, ждать я у моря погоды не стал, на службу запросился. В Оренбурге вакансий не нашлось. Оно ведь отрезанный ломоть к буханке не приставишь, а коли нужда припрёт, так и киргизина батюшкой назовёшь. Два года академику Миллеру, немцу, писал, было место директора Казанской гимназии — не прошло. Просился помощником Казанского губернатора — безуспешно. Жаль, Михайло Васильич рано ушёл, уж он бы помог.

Офицеры слушали молча, не перебивая. Каждый думал про себя: оказывается, мол, и у таких знаменитостей, не нам чета, жизнь кубарем.

— Свет в окошке стал меркнуть, куда податься? — продолжил Рычков. — Ну, вот сегодня,

боюсь спугнуть, весть добрую узнал. В столице-то про меня вспомнили, обещают здесь значную вакансию, — академик вдруг замолчал, видимо, подумав, не сболтнул ли чего лишнего, засуетился, — заговорил тут я вас, господа, всю душу выложил. Уж не обессудьте. Даст Бог, ещё и свидимся. Нет зла без добра. Ну не все ж на Руси караси, есть и ерши.

Попрощавшись, Пётр Иванович большую часть своей провизии отдал офицерам, как те не отнекивались:

— Я-то завтра дома буду, а вам ещё ехать да ехать, — оглядев всех, он вдруг повернулся к Ване, подхватил его на руки, прижал к груди и заговорщицки зашептал:

— Учись грамоте, любезный Иван Андреич, и помни: ученье — лучшее богатство; а книжицу эту возьми на память. Авось пригодится.

6. Серьёзная просьба

У Андрея больно сжималось сердце при мысли о долгом расставании с Марией, с сыном, с бабушкой Христей, к которой он привязался, как к родной матери. Непредсказуемая безызвестность грядущей войны тревожила и пугала его, но ещё большей печалью томили его мысли о судьбе его самых близких людей, оставляемых в незнакомом для них городе. После долгих дней пути, когда встречаться с сыном приходилось

мельком, то поздним вечером, то ранним утром, Андрею вдруг захотелось побыть с ним наедине и подольше.

На другой день, после обязательной воскресной службы, когда в полку был объявлен кратковременный отдых, Андрей, предупредив Марию, взял коня и решил познакомить Ваню с городом, как он это делал в Троицкой крепости. Тот с великой радостью согласился. С высокого крыльца вскарабкался к отцу в седло, разобрал по-хозяйски поводья и строгим дискантом молвил:

— Куда поедем, господин поручик?

— Пока прямо, — заулыбался Андрей, дивясь командирским замашкам сына, — а там видно будет.

Седоки шагом, не спеша, проследовали мимо гостиного двора, приземистого внушительного строения, похожего на крепость, сооружённого в виде воинского каре, мимо Троицкой церкви, нижней и верхней казарм, губернской канцелярии. Подошли к необычному месту, где на самой крутизне возвышался захватывающий дух величественный собор с золочёными крестами, уходящими, казалось, в самую глубь лазурного небосвода.

Сняв треуголку, Андрей перекрестился, глядя на храм; поглядывая на отца, Ваня сделал то же самое. Миновав святилище, спешились, подошли к самому обрыву и замерли от восхищения.

Перед ними открылась чудная картина: вольная, уходящая за горизонт нежной синькой, как небо, снежная даль, отороченная по краям зелёным бархатом лесов. Правее, примерно в двух верстах от города, чётким коричневым квадратом, как сургучная печать на гербовом пергаменте, дыбился Меновой двор с лавками, амбарами и торчащими по углам жерлами крепостных пушек. А далеко внизу, разделённое полуостровом, уходило в обе стороны довольно широкое русло спящего до весны Яика Горыныча, как его любовно величали яйцкие казаки.

Ваня, потеряв рукавичкой румяную щёчку, прижался спиной к отцу и вдруг выпалил:

— Тятя, возьми меня с собой на войну!

Андрей, заглядевшись на бескрайний простор, не сразу понял просьбу сына, а когда вник, удивился. Просьба была неожиданной и довольно серьёзной. Будущий мужчина уже знал себе цену и требовал достойного ответа. Андрей понимал: надо было так ответить, чтобы на прощание не расстроить сына, чтобы он не затаил обиду, не отгородился от него, не замкнулся.

— Ну что ж, — многозначительно помолчав, отозвался отец, — я могу поговорить с дядей Стёпой Наумовым. Не знаю, что он скажет.

— Правда? — вскинулся радостно малыш. — Поговоришь? Не шутишь?

— Поговорю, если тебе так хочется. Мне бы с тобой на войне веселее было, да вот незадача... Я уеду, ты уедешь, а кто же будет маманю охранять да баушку Христинью? Им ведь среди чужих людей горько будет.

— Так тут же много пушек, солдат, казаков, — важно возразил Ваня.

— А вдруг их тоже пошлют на войну, что тогда? Как ты думаешь?

— Ну, ла-а-дно, — растягивая слова, с сожалением молвил мальчуган, — придётся мне остаться в этом Оренбурге. Подрасту маненько, чтоб на коне одному ездить, а то вдвоём тесно.

Сняв голичку, потрогал пальчиком холодный ствол кобурного пистолета:

— А стрельнуть не дашь?

— Нет, здесь нельзя, тревогу поднимаешь, да и пистолет тяжёлый, не удержишь.

— А можно мне твою саблю из ножен вынуть?

— Вообще-то клинок обнажается только для боя, — посерьёзnel отец, — ну, ладно, поддержи.

— У, какая острая да тяжёлая, моя-то полегче будет.

7. Иван Андреевич-младший

Длительный вояж из Троицкой крепости к Оренбургу по тревожной зимней дороге невольно расширил кругозор впечатлительного мальчика Вани

Крылова. В его ещё не окрепшем сознании уже откладывались первые кирпичики будущего литературного дара. Он часто подмечал то, что другие просто не видели, и долго держал в памяти однажды поразившие его события. К животным он относился, как к разумным существам. Любил разговаривать с лошадьми и, когда они стригли ушами от звука его голоса, верил, что они его понимают.

Он хотя и не видел нападения голодной стаи волков, а только слышал частые выстрелы, леденящий вой и визг раненых хищников, жуткий храп напуганных коней, крики драгун и казаков, но вполне представлял всю картину того кошмарного события. Стойко, без малейшего страха он пережил и свирепый буран, когда сверху, как из дырявого мешка, сыпалось столько снега, что крыша их кузовка прогнулась, грозя разорваться на куски. Тесно прижавшись к тёплому телу своей мамани, он знал, что рядом любимое существо, которое так же, как и он, боится опасности, но где-то там, за лавиной снежной бури, есть его смелый отец, и он всегда защитит их от гибели. А здесь, рядом с женщинами, он мужчина, и он тоже их защитник. Об этом не раз говорил его родной, самый лучший на свете батя.

В частых ночёвках в станицах и крепостях, довольно резвый и шептливый, Ваня, на удивление всем, был самым послушным ребёнком

по сравнению с другими детьми офицеров: не капризничал, не отказывался от надоевшей каши или промёрзшего окорока, ел то же, что и отец, и мать, и бабушка. Наблюдая за упорядоченным, строгим поведением драгун, он и себя представлял боевым и храбрым воином и никогда не расставался со своей почти настоящей сабелькой. Поэтому и на параде, когда раздался грозный рокот барабанов, он вырвался к отцу, чтобы стать рядом, мня себя настоящим солдатом. А военные команды построения он изучил ещё в Троицкой крепости, наблюдая из окна за строевыми занятиями драгун на плацу.

По напряжённому виду отца, по частому тоскливому настроению матери Ваня предчувствовал скорое расставание с папаней и старался всюду следовать за ним, если не возбранялось. Он побывал с ним и у кузницы, где подковывали коней, и в конюшне, где лошади хрумкали овёс, и у шорников, где чинили сбрую и снаряжение, но более всего ему нравилось заходить в казарму, где жили весёлые драгуны. Они встречали его, как важного начальника, вскакивали, шутя отдавали честь и угощали вкусными сухариками.

Отец позволял ему иногда присутствовать даже на недолгих совещаниях при штабе полка, где его после встречи с губернатором официально называли Иваном Андреевичем-младшим.

8. Цыганское слово

На другой день, рано утром, поручик Крылов наблюдал в кузнице у станка, как подковывают коней его эскадрона.

Заросший по самые уши аспидно-чёрной бородой цыган-кузнец, посверкивая зрччкастыми озорными глазами и золотой серьгой в левом ухе, после каждого удара своего молотка приговаривал в такт:

— У коваля-молодца, как у ловкого купца, что ни стук, что ни грюк, то и гривна, то и гривна.

— Богато жить будешь при таких доходах, — отозвался Крылов.

— А нам много и не требуется, Ваше благородие, — рюмка водки да хвост селёдки.

— Ты уж, братец, постарайся, — перешёл офицер на серьёзный разговор, — будет тебе и рюмка, и закуска. Дело-то государево.

— Не извольте беспокоиться, господин капитан, — сверкнул своими лешачьими зенками кузнец, — до Кавказа эта подкова не отвалится, а там, как Бог даст.

— Ну, обнадёжил, любезный, благодарствую, — посетовал Андрей, — только я ещё пока поручик.

— А я цыган, — прищурился кузнец, — моё слово верное, я не ошибаюсь. Скоро будешь капитаном!

Крылов задумался, ища достойного ответа, как вдруг почувствовал резкий удар по правому плечу, вмиг развернувшись для ответного удара, с удивлением узнал в рослом казачьем офицере,

перетянутом ремнями, своего лучшего друга, Семёна Акутина.

Они вышли из дымной кухни на свежий воздух, крепко, по-братски обнялись, не тая хмельной радости, улыбаясь, разглядывали друг друга.

— Я токо ночью воротился, — словно винясь, зачастил Семён, — в Яицкий городок бегал с поручением. В Казачью слободу въезжаю, гля, стража, драгуны. Домой не пропускают, хоть плачь, пришлось батюшку вызывать. Спрашиваю: вы откуда? С Троицкой, говорят. Про тебя спросил — и вот чуть свет сюда. Ну, а Марию Алексевну с крестничком моим дорогим не там ли оставил?

— Да всех сюда привёз, даже бабку Христиныю, — загудел простуженным басом Андрей.

— Ну, вот и добре. Жду вас к обеду в свои хоромы, и баушку захватите, к тому времени я и баньку успею накинуть. А теперь мне срочно к начальству, надоть отчитаться. Не был ишо, а то кобеля спустят, — с ходу взлетел в седло и скрылся в переулке.

9. В гостях у Акутиных

Управившись с делами, Андрей перед обедом заскочил к начальнику штаба Наумову. Доложив, что в его эскадроне все кони к походу готовы, сбруя проверена, подрезы на снях подбиты, боезапас пополнен, попросил разрешения отлучиться до вечера для свидания с другом («почти

пять лет не виделись, он сына моего крёстный»).

— Уж не с тем ли хорунжим Акутиным хочешь свидеться, господин поручик? — построжал голосом премьер-майор.

— Так точно, Ваше высокоблагородие, — завеличался Крылов, — с ним самым. Только теперь он уже сотник, при штабе оберкоманданта служит порученцем.

— Андрей Прохорыч, — помягчел голосом Наумов, — сходи, повидайся, но ты, надеюсь, помнишь, в какую передрягу после встречи с этим казаком попал лет пять назад?

— Степан Львович! То был ложный донос Понятовского.

— А здесь и другие найдутся, время-то военное. Помни, Оренбург — город ушей. Впрочем, вас я более не задерживаю, — сухо закончил Наумов.

Усадив всю семью в лёгкие санки, Крылов заторопился в гости к Акутиным. Бабушка Христиныя, устроившись в задке сани, горевала.

— В гости подрядились, а подарунков не заготовили, срам-то какой, — охала старая, — шурум-бурум набрали по бедности. Сушёных грибков да груздочков здесь, поди, не водится, да черники томлёной, для глаз польза, да медку башкирского, бортевого — все и подарки.

Ваня долго не мог уразуметь, что такое крёстный отец, который

принимал его в двухнедельном возрасте, и с удивлением спрашивал:

— Для чего мне ещё один батя?

Узнав, что у него есть свои дети, успокоился и взял с собой сабельку на всякий случай.

Андрей с жадным интересом рассматривал свежесрубленный крестовик Семёна, ещё не потерявший запаха сосны. Дом был довольно высок и просторен, рассчитан на изрядную семью. Рядом, за невысоким плетнём, среди заснеженных берёз, знакомый с детства пятистенок его отца.

Кумовьёв встретили по-родственному, радушно и приветливо. Ванюшка Крылов пристально рассматривал своего крёстного батю, тискавшего его в своих могучих объятиях. Благосклонно принял от него серебряный крестик и маленькую, по руке, нарядную нагайку с кистями и, не выдержав чрезмерного внимания к своей особе, поспешил удалиться к ребяташкам.

Их было трое. Старшая Аня уже что-то вязала, сидя на лавочке у окошка, а сыновья: Андрей, лет семи, и погодок Вани, Кирилл, — взяв за руки гостя, увели его в свой уголок показывать игрушки. Семён с Андреем ушли в баню, захватить самый жар, а Ефросинья, расторопная, улыбчивая хозяйка, показала гостям свои рукоделия — ажурные, белого пуха шали, которые они вязали со своей матушкой, живущей

с ними. Мария с бабушкой Христей сразу же заинтересовались вязанием и были зачислены в их пуховязальную «артель».

10. Порою доброе знакомство крепче кровного родства

После баньки с дубовыми венниками все уселись за большой семейный стол, обильно уставленный кушаньями. Семён подозвал своего старшего сына Кирилла и что-то шепнул ему на ухо. Тот, накинув шубейку, опрометью выскочил из дома и вскоре вернулся. Следом на подворье вдруг гавкнула собака и сразу же умолкла. Послышался густой низкий бас:

— Ты что ж, Вовчок, своих не признаёшь, али здоровкаешься?

Скрипнула сеничная дверь, и в клубах морозного пара вошёл плотный заматерелый казак, с широкой, как кормовое весло, чёрной бородой, в накинутом на могучие плечи полушубке. Андрею показалось, что вошедший принёс с собою какой-то необыкновенный заряд уверенности, силы и весёлости. Повесив полушубок, перекрестился двоеперстием на большую икону Спасителя в углу, прогудел:

— Доброго здоровья, казаки! О, да у вас тут гостеньки припозадовали, а мне ни гу-гу. А я токо с бани приёрся, зыркнул в оконце, у ворот кони стоят, вижу — не наши, драгунские, хвосты подрезаны. Ну, кажите, кто тут у вас прячется?

Из-за стола резко поднялся Андрей и вышел на свет.

— Дядь Вань! Аль не признаёшь меня?

Иван Кириллович расправил ладонями кустистые брови, взгляделся:

— Хм! Неужто Андрейка? Прохора сынок?

— Он самый, дядь Вань! — обнялись, облобызались.

— Гли, какой вымахал, — оглядывая Андрея, ахал Кириллыч, — а ить заморышем был. Мы ить тебя подкармливали, как отец-то сгинул, помнишь? — гудел старый, смахнув слезу. — Ну, весь в отца, и глаза, и выправка, да ещё офицер, поручик. Я ить тебя, почитай, лет десять не видал, но Семён сказывал, всё про тебя знаю. Гярой! Таких ордынами награждать. Да какой там. Эта чиновничья свора, мать чисна, токо своих бдит.

Андрей, засмуцавшись от неожиданной похвалы, отошёл в сторону.

— О, а чаво эт там за красуля прячется? — забасил Кириллыч, распыляясь в широкой улыбке. — Ить кака гоженька да баская.

— Познакомьтесь, дядь Вань, жёнушка моя, Мария, — почему-то смутился Андрей, представляя, что так бы знакомил Марию с родным отцом.

— Ну, как жа, Сёмка сказывал. Ить не мужичку взял, — тронул уважительно Андрея за плечо, — а коренную казачку, чай знашь, музланы-то — кошемно брюхо, рогожны кишки... совсем

не то. Казак — он ить по-другому скроен. Можя я чаво лишне нясу, не обессудь, известно дело — казак яйцкий завсегда поперёшный.

Помолчав, добавил: — Да-а, жалко твоих родителей, девонька, сгинули не ко времени. Ну, ты не томись. Андрейка, хучь и не казак, а парень надёжный, в обиду не даст.

Ваня, сидя за низеньким детским столиком, с любопытством разглядывал деда с громким голосом и большой бородой (такую он видел впервые в жизни, и ему захотелось подойти и подёргать её) и вдрут услышал:

— А чаво ет там за гостынька сидит? Не признаю яво, што за станишник, дык и вооружён. А ну-ка подь сюды, — обратился Иван Кириллович к мальчугану.

Ванюша, не торопясь, степенно встал из-за стола, придерживая левой рукой сабельку, в правую взял нагайку, подаренную крёстным, подошёл к бородатому деду и, став по стойке «смирно», глянул глаза в глаза.

— Ну, ты погляди! — зацокал языком старина, невольно становясь во фронт. — Ну и казачок, прям ахвицер, хорунжий! Ты чых же будешь?

— Иван Андреич Крылов, — отчеканил мальш.

— Мать чисна! Удивил! — вытирая слёзы умиления, запричитал Кириллыч. — Ну, вылитый дед Прохор: и взгляд-та прямой, неробкий, затяжной, ну, прям орёл.

Оглядев всех, старина с удивлением молвил:

— От ить дети пошли. От горшка два вершка, а уж Иван Андреич. Ты, поди, и в кулюкушки не играл, а сразу за саблю. Офицер знатный будет, дак ить и с норовом.

Поднял Ваню под самый потолок, пощекотал его своей пышной бородой:

— Вот подрастёшь маненько, я тебе настоящую казачью саблю подарю.

— Булатную? — поинтересовался мальш.

— Семён, ты слыхал? Твой крестник уже и это знает, ну, дока! Конечно, мой дорогой тёзка, булатную, других не доржим.

Все сели за стол, встали, перекрестились, мать Ефросиньи прочитала молитву. Налили по рюмке, чокнулись, выпили за встречу. Помянули добрым словом воина Прохора Андреевича Крылова, третью — за прелестных женщин. Иван Кириллович, как бы оправдываясь перед гостями, что один, без жены, сетовал:

— Моя-то Аграфена Стигнеевна в Яицком городке хоромы сторожит, да и хозяйство там, исть-то надо. У меня и тут барашки. Ну, када в отлучке — сын смотрит да сношенька.

Сидя бок о бок с гостем, приговаривал:

— Ты, Андрюш, солёным арбузом закусывай, мило дело. У вас там, в полуденном краю, поди, и арбузы не вызревают?

— Да привозят иногда, — отозвался Андрей.

— Привозные ништо, рази арбузы, знаю я их. Они кормовые, шкура толстая, как у слона уши, токо скотине и годятся. А у нас со своих бахчей, сахарные, шкурка тонкая, ровно бумага. А для засолки сорт особый, «Огонёк» называется, мелкий, с пушечное ядро.

Ощущая всем нутром грустное состояние Андрея, спросил:

— Што, господин поручик, тоскуешь? На войну нацелился? Н-да, расставаньё предстоит.

— Так ведь приказ, Иван Кириллыч!

— Ну да, военное дело строгое. Мне уж таперь не до походов, а как вспомню, так кровь в жилах стьнет. Под Кунерсдорфом было. Обложили пруссаки мою сотню со всех сторон, не вырваться. Налетели на меня сразу четыре унтера. Мать чисна, кручусь, отбиваюсь, конь-то у меня боевой, сам выпестовал. Двоих я достал, да одного ординарец располосовал, а сотня рубится, каждый за себя, их-то раза в три больше. Гляжу, ко мне с десяток пруссаков несётся, учуяли — лёгкая добыча. В плен офицера взять иль так прикончить. Ну, думаю, отгулял казачина. Уже по руке полоснули и картуз с головы сбили, да и силы кончаются, намахался. Даже и жеребец мой верный дико заржал, смертную муку почувал. Вдруг слышу «Ура-а!», эскадрон отца твоего идёт на выручку, а впереди сам капитан Прохор Крылов. Рубака был ещё тот, оберучь,

двумя руками махался. Вмиг моих ангелов смерти обчистили. О чём-то меня спросить хотел, вплотную подскочил и вдруг повалился на бок. Офицер-пруссак, гад, издали выстрелил, в меня целил, а попал ему в спину и, видно, в сердце. Я с коня соскочил, поднял его на руки, а он уже никакой. Только и успел сказать: — Андрюху побереги... — Иван Кириллович от-вернулся, вытер глаза. — Похоро-нили его в общей могиле, вместе с казаками моей сотни. Меня за тот бой в есаулы определили, а потом и «Георгия» кинули, вроде как утешение Всевышнего. Так ведь Прохора не вернёшь, а он мне в тот день дважды жизнь спас. Не-мец-то в меня метил. — Кирил-лыч, уже не стесняясь, смахнул слезу. — Ты уж, Андрюш, поберегись там, на рожон-то не лезь.

— Ну, как придётся, дядь Вань! Сам знаешь: воевать — не щипать хлебать.

11. «Над лесом солнце ВОССИЯЛО...»

— Ну её, войну, к бесу, — пере-менил тему Акутин-старший, — ещё нахлебаемся. Давайте песню сыграем нашу, казачью. Ты, Ан-дрей, чай, помнишь, как у меня собирались ещё перед Семилет-ней войной?

— Как же, дядь Вань, помню. Я тогда уже ротным писарем служил.

— Отец твой ох и певун был, такие верха брал — сердце зами-рало, а голос красоты неимовер-ной, не наслушаешься.

— Бать, а как мы с Андрюхой дишканили? — припомнил Семён. — Бывало, запоём, вся Казачья слободка сбегается.

— Да помню, — улыбнулся отец, — все плетни вокруг дома повалят, слушают. Приходилось после этих спевок новый тын го-родить, колья вбивать. У отца твоего, Андрюш, особенная песня была, чай, запоматовал? А ну, Семён, зачни. Вы с бабкой Агра-феной пели, на Крещение приез-жала, та ишо песельница.

— Бать, после парной что-то голос осип, — нехотя отозвался сын.

— Да-к ты сполосни горло-то, — наливая в рюмку вина, отозвал-ся Кириллыч, — оно и пройдёт. Горько лекарство лечит, это от сладкого зубы болят.

Семён, откашлявшись, запел тихо, еле слышно:

— Над лесом солнце воссияло, — и уже окрепшим звонким тено-ром продолжил, — там чёрный во-рон прокричал.

— Прошли часы мои, минуты, когда с девчонкой я гулял, — ме-лодию подхватили отец, Ефро-синья и даже бабушка Христа. Андрею эта песня была знакома с детства, и он, невольно пустив предательскую слезу, присоеди-нился к певцам.

— Седлаю я коня гнедого чер-кесским убранным седлом. Я сяду, сяду и поеду в чужие дальние края...

Марии как-то не доводилось слышать пение своего мужа, да и где ему было петь? Не в той же

хибарке, где жили, а за пределы крепости они вместе никогда раньше не выезжали. Её сразу же удивил и заорожил сочный, полнозвучный баритон Андрея, и хотя все голоса сливались в один мощный поток звуков, она слышала только любимого человека. Он сидел рядом, касаясь тёплым, приветным плечом, изредка взглядывая на свою суженую. Мария невольно ощущала каждый его вздох, каждое движение большого тела, а ласкающий, как ей казалось, радостный тембр его душевного зова дарил неведомые ранее ощущения. Через слова старинной песни, через чудную мелодию Марии невольно открывалась новая, неизведанная грань души любимого человека, о котором она вроде бы знала всё. И это её открытие, новое познание Андрея переходило в радостное, трепетное чувство, разливалось по всему телу, как будто окунало в чистую, знобкую родниковую воду.

К удивлению гостей и хозяев, трое мальчиков, сидевших молча за отдельным столиком, вдруг, как стоворившись, запели все враз, повторяя последние две строки каждого куплета. Их голоса, как яркие нити, влетали в общую канву старинной казачьей песни и не только не нарушали слаженную гармонию пения взрослых, но и приносили в общий хор нечто задорное, искристое, радостное. Мария впервые услышала громкое пение сына и удивлялась: ну откуда в нём такое взялось —

и красивый тембр, и отменный слух, и музыкальная память?

Допев песню и одобрительно крякнув, Акутин-старший, пропустив ещё одну рюмочку, вдруг поднялся с места:

— Простите великодушно, милые мои троичане. Мне пора, скотина ждёт, надо прибираться, хозяйство. А вы чудесные люди. Мать чисна, таких бы, да поболее — Россия, гляди, и горя бы не знала. Ну, мы с вами ещё свидимся, — кивнул он головой Марии, — а тебе, Андрей Прохорыч, желаю воинской удачи и обязательно вернуться домой целёхоньким.

Крепко обняв на прощанье Андрея, перекрестил его, смахнул непрошеную слезу и, видимо, боясь расчувствоваться, быстро накинул полушубок на плечи и заторопился к выходу.

12. Откровения друзей

Проводив отца и прибрав стол, все уединились по своим интересам, а Семён с Андреем прошли в малуху и, притворив двери, завели беседу. Семён из укромного места достал пузатенькую бутылочку с жидкостью янтарного цвета, разлил по рюмкам:

— Целебная настойка из кедровых орешков с травами, казачки с Алтая привезли, только для самых дорогих гостей берегу.

— Да, благовоние от неё изрядное, — пригубил рюмочку Андрей, — ты, часом, знахарством не занимаешься, зубы не заговариваешь?

— А что, болят? Так я хорошее средство знаю, моментально вылечу, — заулыбался Семён.

— Ладно, этому способу я и сам обучен, мог бы вышибалой в трактире работать, так не зовут, — захохотал Андрей, — ты лучше скажи, как батюшка твой поживает? Здоров ли?

— Ты и сам видел, рюмочки ещё не пропускает, но раны побаливают, а не жалуется. Когда в бане дубовым веником его пропарю, только кряхтит. Ить две войны прошёл, да как бы третья не заварилась в нашем околотке.

— Он вроде говорил, что на два дома живёт?

— Ну да, один здесь — с отцом твоим сруб ладили. Ты у нас тогда частенько бывал, помнишь?

— Ну, как же забыть такое, — обрадовался Андрей, — на Яик купаться бегали, на лодке за нырками гонялись да сомов в старице на жареных воробьёв выманивали.

— Тогда ещё здоровенный сомяра хвостом нас оглоушил, еле очухались.

— А потом мы всё ж его достали, — припомнил Андрей, — мой отец с драгунами помог, а твой батя на тагарке его увозил, хвост по земле волочился. Ох и громила, пудов на шесть, не меньше.

— Трофей тот наш драгунам отдали, казаки сомятиной брезгуют, лягушатниками их называют. А у отца моего домишко в Яицком городке, — ушёл от воспоминаний Семён, — ещё от деда достался, с маманей там обитают. Батя

службу справляет. Он теперь войсковой старшина, да ещё депутат Уложенной комиссии, выбранное лицо от казаков, в Санкт-Петербурге заседает.

— Ух ты, — удивился Андрей, — что, законы праведные пытается выработать?

— Как батя судит, у них там одна говорильня. На словах — как на гусях, а на деле — как на балалайке.

— Ну, как всегда, — вмешался Андрей. — Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло.

— Отец порассказывал: правят на съезде дворяне да чиновники. У казаков да у всякой неруси и голосов-то кот наплакал. А энти воротилы рвут на себе рубахи, да токо каждый за себя.

— Ну да, всяк в свой огород зёрнышко бросает, — хмыкнул Крылов.

— Вишь ли, дворяне бьются, чтоб беглых крестьян им возвращали, когда те от тяжкой доли к казакам бегут. А у нас, ты же знаешь, неписанный закон: что с Дона, что с Яика выдачи нет. Вот помещик и лютует. До рукоприкладства на съезде доходят, друг друга за бороды таскают. Да только у нас казачки справные, строевики, хоть и мало их, но спуску не дают. А чиновное крючкотворное племя на святое посягает — тщится петровский табель о рангах отменить. Вишь ли, он простонародью дорогу даёт на руководящие должности, а им это как заноза в нужном месте, вот они и лютуют.

— Пётр Алексеич людей за ум ценил, за их хватку, а не за родство. Оттого и польза государству была великая, — добавил Андрей.

— Да, было дело, а теперь даже нынешние мещане рвутся привилегии получить, — продолжил Семён, — чтоб всё было, как у дворян заведено: крепостных покупать да мануфактуры заводить. А государственные крестьяне по давней ещё привычке царице на помещиков жалуются. Мол, те лучшие их земли нахалом отбирают, и управы на них нет. Но Екатерине недосуг: войны, фавориты, чума вот подползает.

13. Крепостные крестьяне или просто рабы?

— Ну, а что крепостные крестьяне? — поинтересовался Андрей.

— Хэх, да они там и голоса не имеют, аки скот бессловесный.

— Так и духовенство голоса не имеет, — возразил Андрей.

— Сравнил хрен с пальцем. У них монастыри, да и такие наделы — иные европейские государства столько земли не имеют, — усмехнулся Семён.

— Вестимо, крепостной крестьянин у нас как раб. Его можно продать, купить, запороть до смерти, коль виноват, и просто так посечь: барин не с той ноги встал.

— С ним и обращаются-то хуже скотины. Та хоть тварь неразумная, а тут же человек, творение Божье. Иностранцев и в Оренбурге

на Менювом дворе купить можно. Этот живой товар бухарские купцы привозят. наших людей они на азиатские рынки поставляют, а нерусь к нам. Можно, не возбраняется.

— Да я на троицком Менювом дворе и сам это видел. Так неужели и заступиться у нас некому? — возмущился Крылов.

— Да вроде нашёлся один заступник, отец сказывал, из дворян. Какой-то Григорий Коробин. Так ему такой отлуп дали, еле ноги унёс.

— А ведь ещё Пётр Алексеич продажу людей порицал, — нахмурился Андрей.

— Эх, аль ты не знаешь, что теперь многие петровские указы порушены. Вот, к примеру, указ Екатерины от шестьдесят седьмого года, не читывал, поди? А я почти дословно помню, при канцелярии служу: «Недозволенные на помещиков челобитные кто отважится подавать, то оног бить кнутом и сослать в Нерчинск, на вечную каторгу». Каково?

— Выходит, — поник головой Крылов, — что ни при каких обстоятельствах, даже самых зверских, на барина жаловаться не моги?

— Как видишь, другого варианта нет.

— Так вот почему у нас на Руси лютуют кровожадные Салтычихи. Ведомо ли тебе, Семён, что только за пять лет эта мерзостная паскудина зверски замучила семьдесят пять женщин, девушек, да и парней, мужиков

тоже? И это только официальные данные. Жуть, что только и выдывала. Кипятком обваривала, косы с головы выдирала или на живых поджигала, зимой в пруду до смерти замораживала, уши вырывала, даже хоронила заживо, кнутом, стерва, засекала. Особо ей нравилось невесту и жениха перед свадьбой мучить, целые представления устраивала, детей поленом забивала. Всего не расказать — от ужаса волосы дыбом.

— И что ж ей всё с рук сходило? — возмутился Семён.

— Жаловались на неё ещё и при Елизавете, и при Петре Фёдоровиче, но доносчиков секли кнутом. Если выживал, заковывали в кандалы — и в Сибирь.

— Так кто ж её защищал?

— Вишь ли, она родством с царской фамилией повязана. Муж её доводился племянником самому фельдмаршалу князю Салтыкову. Двадцать раз её пыгались судить, да откупалась — вельможи заступались. Ну, Екатерину к стенке припёрли, побоялась европейской огласки, да и выгодно было царице Салтыковых, врагов своих, ослабить, дальних родичей Петра Третьего, вот и решила.

— И сколько же следствие шло?

— Да целых шесть лет тянулось, только в прошлом году и приговорили. Сначала к смертной казни, а потом пожалели: как же, родовитая дворянка; на пожизненное перевели.

— И тут же указ матушки-царицы последовал, мол, за жалобу

в Сибирь, — съехидничал Семён. — А откуда у тебя такие сведения о кровавой барыне?

— Журналистики почитываю, майор Наумов снабжает.

14. Уложённая комиссия

— Смотри, Андрюха, — обеспокоился Семён, — шибко грамотным станешь. А кто много знает, с того и спрос особый. Жаль, Пётр Первый почил в бозе. При нём бы ты поднялся в полковники, абы и в генералы выбился. Дотошный ты мужик, Андрей Прохорыч.

— Да не мужик, я дворянин, — растянул в улыбке губы Крылов.

— А ты вспомни, кем твой дед был, — усмехнулся Акутин. — Скажи мне, Андрей, по-честному. Ну, вот ты всем интересуешься, до всего тебе дело, для чего это надо?

— Да я, Семён, о крестнике твоём пекусь, о Ваньке. Голова у него светлая. Я порой диву даюсь, как он на лету всё схватывает. Чтоб я ему ни рассказал — всё помнит, да ещё что-нибудь своё ввернёт. Да и баушка у нас мудрولюбивая. Сколько она сказок, былей знает, не переслушаешь. А Ванька всё, что она расскажет, наизусть шпарит да ещё и поправляет её, когда чего забудет.

— Всякая премудрость от Бога, — задумчиво заметил Семён, — но не всем она достаётся, а Ванюху надо в ученье отдавать обязательно.

— Да я бы и рад, Сёма, так ведь теперь деньги богатых учат, а бедный без толку книги мучит.

В ученье мне-то его не на что отдавать, мошны не хватит. Сам чему-нибудь научу, схватит чего, поднатореет, вон как Пётр Иваныч Рычков.

— Ну да, — засмеялся Семён, — в комиссию какую-нибудь возьмут, но только чтоб не в Уложённую.

— А кому нужна такая комиссия, — возмутился Андрей, — какая от неё польза?

— Да в основном, — понизил голос Семён, — для укрепления царской власти, проводывать, чем народ дышит. Они ж там тоже, как ужи на горячей сковородке: заговоры, убийства, зельем, ядовитым снадобьем друг друга изводят. А отравы только ёж не боится, батя сказывал, но и его лиса хитростью берёт.

— Ну, а батю твоему нравится заседать?

— Так ведь выборное лицо, никуда не денешься, да опять же и льготы, жалованье, неприкосновенность. Но ему тоже достаётся. Он же обязан казачьи интересы блюсти, обычаи со времён бабки Гутнихи, и оказался меж двух огней. Одна-то сторона согласная, послушная, туда вся старшинская верхушка входит и царским чинодралам одно место лижет. Её и императрица жалует. А другая — низовая, непослушная, войсковая сторона. Они отмётывают все нововведения, вроде того, чтоб и форма, и знамя, и лампасы были едины для всех казачеств, чтоб и атаман был не выборный, а наказной, свой, лизоблюд, «чего

изволите-с», короче говоря, не признают царских указов.

— А в чём же корысть-то старшинской стороне? — совсем запутался Андрей.

— Так у них рыльце в пушку, они и жалованье казакам задерживают, и подворовывают, и к царице жалобщиков не подпускают, отлавливают, порют и отправляют, куда Макар телят не гонял. Мне кажется, что добром это дело не кончится. Если уж сам Пётр после карателя Захарова от яицких мокропопых отступился, то что может сделать царица-баба? На свинью хоть седло надень, всё одно конём не станет.

— Не забывай, Семён, что у неё генералы петровской школы. Один Румянцев чего стоит, а Ушаков, а Суворов, без них она пустое место, — помолчав, Андрей добавил: — Да, брат, крепко ты поднаторел в политике, такое баишь, что жутко становится. Сам дотумкал али подсказал кто?

— Да это батя меня наострил, а он на посиделках питерских наслушался. Жаль, отец твой, дядя Прохор не дожил, они бы столковались. Друзья были — не разлей вода. А ты со мной вроде как перерёк?

— Дорогой ты мой кум, — со слезой в голосе молвил Андрей, — давай не будем по дурусти политику с дружбой путать. Оно ведь дружно — не грузно, а один и у каши загинет.

— Тут ты прав. Говорят, что правда старше самого Бога, да

где ж её искать? Давай помянем батю твоего. Двужильный был мужик, ты весь в него и характером, и личиной, и даже походкой. А он и меня к учению подталкивал. Царство ему небесное.

15. По семенн и племя

— Ну, чё мы всё обо мне да обо мне, — заметил Семён, — ты-то как? Ванюшка твой, гляжу, умницей растёт. Такой говорун, столько мне советов надавал. Чё-ет, грит, у тебя морщинки на лице? Ты, мол, по утрам щёки надувай, и морщинок не будет. Ну, мудрец, и откуда он всё это знает.

— Да, наверно, от баушки Христины, целительницы, неистощимая на всякие знания старушка. Дак он и на параде учудил, с самим губернатором поручался, а тот его своим тёзкой признал. Мы, говорит, оба Иваны Андреичи, вот смеху-то было, драгуны и те хохотали.

— Рейнсдорп-то мужик тёртый, служака, — перевёл разговор Семён, — но людей не забивает и на лапу не берёт. Катерина его с Прибалтики сдёрнула. В Риге комендантствовал. Нашей житухи пока не знает, но во всё суётся, дошлый немец.

— А чего это царица князя Пулятина решила на немца сменить? — поинтересовался Крылов.

— Вишь ли, у этой бабёнки дальний прицел, — прищурил глаза Акутин, — помнишь, ещё в шестьдесят третьем, когда мы с тобой в Оренбурге гарцевали,

молва пошла, будто Пётр Третий избежал смерти и скрывается то ли в Троицкой крепости, то ли у яицких казаков.

— Верили иль не верили, но слушок такой ползал, припоминаю, — заметил Андрей, — я тогда ещё в сержантах готовил рекрутов к параду, Волкова принимать, нового губернатора. Только он всего год-то и продержался.

— Так знаешь, почему его Катерина сдёрнула? Это мне потом отец рассказывал. Волков-то до назначения был у её муженька тайным секретарём, его правой рукой. Ну, а Пётр Фёдорыч — шамарган известный, да ещё сумасброд, и решил он сдуру свою императорскую власть на миру показать. В присутствии иноземных посланников, представляешь, у них на виду приказал сдёрнуть портки и высечь своего наперсника Волкова, да ещё двух важных вельмож. Представляешь, какой был конфуз, посмешище. Вся дворян от смеха по полу каталась, тешилась.

— Так вот почему она Волкова губернатором сделала, пострадал же.

— Но отправила в Оренбург, подальше от досужих глаз, чтоб не сболтнул чего лишнего тайный секретарь, когда братья Орловы её муженька душили. А когда слух пошёл, будто Пётр Фёдорыч в наших местах обитается, она испугалась, а вдруг новоназначенный губернатор какое-нибудь содействие самозванцу окажет, и вернула его в Питер, под бочок, так-то надёжнее. Мало ли чего.

В дверь потихоньку поскребли, и когда она медленно отворилась, на пороге стоял Ваня. Первые его слова удивили даже Андрея:

— Батяня! Мамазя сказала, пора и честь знать.

— Вот это выдал крестничек мой, — восхитился Семён, подхватывая мальчика на руки, — умные словеса и без запинки, а говорят, мудрыми только к старости становятся.

— Так он от твоих сыновей уже и новые слова перенял, теперь нас с Марией будет по-новому, по-казацьи величать. Он слова мгновенно схватывает.

Когда Крыловы стали собираться, бабушка Христя обратилась к хозяину:

— Семён Иваныч, ты, чать, из Яицкой через Илецкий городок проскакивал, чаво деется там?

— Ну да, матушка моя, там кум мой, Лазарь Иваныч Портнов атаманит. Ночевал я у него, ещё и в баньке попарился. Рыбак он знатный, копчёным бальчком меня угостил, объедение, ещё и на дорогу дал, я и с вами поделюсь. Ефросинья, достань-ка с полки свёрток.

Как ни отнекивались, ни сопротивлялись, а им был вручён добрый кус исходящей жиром золотисто-коричневой рыбины.

— Дак знавала я там Портновых, — всплеснула руками Христинья Дмитриевна, — и Василия, и Ивана, да вроде и Лазаря, рыбаки были знатные. А хотелось бы мне и Илецкий городок

проведать, узнать, кто ещё жив из знакомых, да на могилки сходить. Сыночки там мои лежат, да и Потап Андреич, царство им небесное. Ужо до весны дотяну, тады и побываю. В Илецком-от и прошла моя главная жизнь, сыночков родила, да там и схоронила.

16. Накануне отъезда

Утром из-за дальнего лесочка на Бухарской стороне просияло огнистое негреющее светило, и длинные причудливые тени от зданий, суеящихся людей, коней, собак протянулись по просторным улицам губернского города. Офицерские семьи, прибывшие из Троицкой крепости, размещались по квартирам, согласно приказу губернатора.

Крыловым досталось жильё в купеческом доме на Троицкой улице, неподалёку от храма. Суеверная бабушка Христинья радовалась, приговаривая:

— В Троицкой-то нам, что Бога гневить, баско жилось, и здесь, даст Господь, не пропадём. Всевышний знает, кому помогать.

Губернский чиновник, молодой подвижный поручик, распределяя жильё, приветливо улыбнулся младшему Крылову и воскликнул:

— О, Иван Андреич!

И, покровительственно похлопав по плечу, расхохотался:

— Ты у нас теперь вторым губернатором будешь, маленек да удаленек! Как говорится, маленька мышка, да зубок остёр.

Ваня, прищуривав глазёнки, насмешливо глянул на офицера, но ничего не сказал.

Андрей придирчиво осмотрел предоставленную его семье комнату, она была не меньше троичной квартиркой, но вытянутой в длину, и только одно узкое оконце было в рубленой стене, выходящее на улицу. Небольшая печурка его озадачила, но белёная свежая перегородка была тёплой, и Андрей догадался, что это задняя стенка русской печи соседней чужой комнаты. Это его успокоило. Если не хватит дров, подумал, соседская печь худо-бедно обогреет. С помощью Семёна поручик добыл две широкие лавки, стол, навесной ящик для посуды. Из наваленных во дворе горбылей сколотил для Ивана полати. Андрея успокаивало ещё и то, что поблизости поселилась и немалая семья командира полка во главе с боевой полковницей Марией Александровной, которая и защитит, и поможет в трудную минуту.

Последний вечер перед отъездом был облит грустью. Мария,

Андрей и меж них Ваня, крепко обнявшись, сидели за столом на лавке, сумерничали. Все надеялись, что разлука будет недолгой, и только Христинья Дмитриевна, закутавшись в пуховый платок, притулившись к тёплой печке спиной, молчала, устремив взгляд в окно. Она по-настоящему знала истинную цену кровавой брани. Всех четырёх её сыночков война отняла, да и мужа тоже после них схоронила — всё тело было стрелами кайсацкими истыкано.

— Тот не унывает, кто на Бога уповаёт, — успокаивал Андрей своё семейство натужно весёлым голосом, — пишите письма. Мария, ты читаешь довольно бегло, теперь и письмо осваивай. И я вам буду писать, военная почта ходит исправно.

— И я буду тебе писать, — сонным голоском прошептал Ваня, прижавшись к тёплой груди папани, — я уже все буквицы знаю.

— Ну, вот тебе и занятие, — обрадовался Андрей, — упражняйся, глядишь, и в писатели выйдешь.

— Да, я выйду, обязательно выйду, — уже засыпая, прошептал будущий великий баснописец.